

УДК 343.351

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО
УЩЕРБА ПУТЁМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ**

Бугаев В. А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

Статья рассматривает социальную обусловленность и правовую необходимость уголовно-правового запрета за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием в его генезисе, и место этой правовой нормы в системе преступлений действующего УК Украины.

Ключевые слова: собственность, причинение имущественного ущерба, обман, злоупотребление доверием, мошенничество, преступления против собственности, уголовная ответственность.

Исследование истоков необходимости признания преступным того или иного деяния, структуры и сущности имеющихся уголовно-правовых норм представляет научно-теоретический интерес, поскольку в процессе такого анализа можно определить важность нормы, выявить определенные её недостатки и перспективы совершенствования.

Известные учёные в области уголовного права Г.А.Кригер и Н.Ф.Кузнецова, в своё время, отмечали, что исследование юридических норм невозможно без выяснения конкретного общественного отношения, регулируемого ими, задач, поставленных законодателем во время их принятия, конкретной обстановки, в которой эти нормы нарушались и в которой они применяются. Без выяснения обстоятельств, которые привели законодателя к необходимости принятия той или другой нормы, анализ нормы будет неполным [1; С. 52]. Представляется, что это утверждение не потеряло актуальности и в условиях современного правотворчества.

В Разделе 6 Особенной части УК Украины 2001 г. «Преступления против собственности», ст. 192 предусматривает уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. С учётом того, что ст. 190 этого же УК предусматривает ответственность за мошенничество (завладение чужим имуществом или приобретение права на имущество путём обмана или злоупотребления доверием), которое достаточно хорошо исследовано, представляет интерес исследование социальной обусловленности уголовно-правового закрепления ответственности за причинение имущественного ущерба в его генезисе, и место этого деяния в системе преступлений против собственности.

Проблеме обусловленности уголовно-правовых норм отводилось значительное внимание в исследованиях учёных-криминалистов. Так, например, Г.А.Кригер и Н.Ф.Кузнецова выделяют следующие основания социальной обусловленности уголовно-правовой нормы: причинение деянием существенного вреда общественному отношению, антиобщественная ориентация лица, распространённость деяния и его повышенная угроза для общества, неэффективность других некриминальных мер, способность общественного сознания воспринять это деяние как преступление, вве-

дение уголовной ответственности отвечает развитию общества и принципам уголовного права [1, с. 34].

Современная социальная обусловленность уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием имеет свои правовые исторические предпосылки. Анализ истории развития украинского уголовного законодательства свидетельствует, что нормативно-правовое закрепление ответственности за посягательства на собственность предусматривалось в самых первых его правовых памятниках. В последующем, в каждом новом уголовном законе данный вид ответственности получал дальнейшее развитие. От других посягательств, которые признавались преступными, уголовно-правовое регулирование посягательств против собственности отличались относительной стабильностью.

Со времен Русской Правды прослеживается различие между посягательствами, связанными с обращением имущества в свою пользу - "похищениями", и посягательствами, в которых отсутствует обращение имущества виновными в свою пользу - незаконное пользование.

В дореволюционном законодательстве, кроме установления уголовной ответственности за посягательство на чужое имущество, также существовала ответственность за незаконное самовольное использование чужого имущества, преступную неоплату по договорам о предоставлении услуг и выполнении работ, были упоминания и об ответственности за незаконное потребление энергии. Эти посягательства рассматривались в большинстве случаев как самовольное использование имущества и злоупотребление доверием. В источниках досоветского права появляются упоминания об ответственности за злоупотребление доверием и обман. Выделяется понятие имущественной недобросовестности.

Уголовное уложение 1903 г. содержало отдельную главу в разделе о преступлениях против собственности - о самовольном пользовании чужим имуществом, о других случаях виновной недобросовестности в отношении чужого имущества [2, с. 324]. Злоупотребление доверием охватывало круг неправомерных действий, которые составляли случаи использования доверия лиц во время заключения, выполнения, отсрочки любых договоров или обязанностей в отношении имущества. Ведущий учёный – правовед Российской империи конца 19-го – начала 20-го столетия, профессор Санкт-Петербургского университета Н.С.Таганцев определял злоупотребление доверием, как противоправное умышленное причинение имущественного вреда лицом, которое было обязано охранять затронутые имущественные интересы и проявлять заботу о них, т.е. невыполнившим возложенной на него обязанности [2, с. 633].

Особенная часть УК УССР 1927 г., включала раздел VII „Имущественные преступления”, нормы которого, устанавливали уголовную ответственность за посягательства на собственность. Отдельной статьи, предусматривающей ответственность за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, в данном законе предусмотрено не было. Вместе с тем, ст. 180 этого УК закрепляла уголовную ответственность за мошенничество, которое рассматривалось как получение с корыстной целью имущества или права на имущество.

Впервые самостоятельная уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, в современном понимании, была закреплена в ст.87 УК УССР 1960 г. Причиной такого выделения было научно разработанное на протяжении ряда десятилетий понятие „хищение” и,

как следствие, деление преступлений против собственности на корыстные преступления против собственности, которые содержат признаки хищения и другие корыстные преступления. Под хищением в тот период понималось содеянное с корыстной целью завладение или передача третьим лицам имущества, которое находилось в собственности владельца [3, с. 88].

В этом плане представляет интерес трансформация уголовно-правовых понятий похищение и хищение в нашем уголовном праве. Изначально в уголовном законодательстве Российской империи второй половины 19-го века использовался термин похищение. Профессор Н.С.Таганцев под похищением понимал завладение преступными способами чужого движимого имущества с целью обращения его в свою собственность. Как он отмечал, похитить – означает взять или переместить имущественную ценность из владения пострадавшего во владение виновного. К имущественным преступлениям он относил: «воровство» – всякое противозаконное похищение чужого движимого имущества с целью присвоения; разбой – похищение чужого движимого имущества с помощью физического или психического насилия против лица пострадавшего; мошенничество – кроме похищения, охватывающее все имущественные обманы; вымогательство, присвоение.[2, с. 849, 850].

И.Я. Фойницкий указывал, что вместе с присвоением похищение имущества образует группу так называемых корыстных посягательств против движимости. Не могут быть относимы к похищению такие действия, которыми хотя и производятся изменения в имущественной сфере потерпевшего, но без изменения фактического владения имуществом [4, с. 160, 175].

Н.С.Таганцев, как один из авторов проекта Уголовного Уложения 1903 г. отмечал, что в нём изначально предполагалось предусмотреть полное объединение всех видов похищения чужого движимого имущества в одно понятие имущественного «хищничества» [2, с. 820, 857]. По этому поводу Г.М. Борзенков указывал, что составители Уложения 1903 года исходили из наличия родового понятия похищения или имущественного «хищничества», близкого к современному понятию хищения, в связи с чем в первичном проекте предусматривалось объединить все случаи похищения чужого имущества в одно общее понятие имущественного «хищничества». Это намерение поддержали многие юристы, в том числе немецкие ученые. Однако в дальнейшем было признано, что подобное решение, «хоть и правильное теоретически, было бы слишком резким и поэтому нежелательным отклонением от действующей системы» [5, с. 392].

В конечном итоге, в советском уголовном законодательстве закрепились новая уголовно-правовая категория хищение, которая терминологически наиболее полно нашла отражение в УК 1960 года. Мошенничество было признано одной из форм хищения. Поэтому возникла необходимость в установлении уголовной ответственности не только за хищение государственного или коллективного имущества, но и за другие посягательства на эту форму собственности в виде причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. Причём ответственность за аналогичные посягательства на личную собственность указанным кодексом предусмотрена не была.

Вместе с тем, новый УК Украины от 5 апреля 2001 года отказался от понятия хищения и в Разделе 6 Особенной части «Преступления против собственности» и других употребляет термин «похищение», т.е. фактически вернулся к дореволюцион-

онным научно-теоретическим подходам по этой проблеме. Отсюда логичным является закрепление в ст. 192 действующего УК Украины отдельного состава, предусматривающего ответственность за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков мошенничества (т.е. похищения [6, с. 353]), если оно причинило значительный вред.

Возвращаясь к проблеме социальной обусловленности уголовной ответственности за указанное преступление, следует отметить, что для криминализации этого деяния, как и любого другого, необходима совокупность определённых предпосылок. К ним можно отнести научно обоснованный комплекс факторов, которые учёные разделили на две группы: 1) основания уголовно-правового запрета, которые служат объективными предпосылками его установления (общественная опасность, распространённость, необходимость регулирования уголовно-правовыми методами, готовность общества к криминализации деяния); 2) основания криминализации, которые относятся к юридической технике (отсутствие противоречия с другими областями права, согласованность в пределах уголовного права) [7, с. 8].

Анализируя первую группу факторов, отметим, что ст. 192 УК направлена на уголовно-правовую охрану собственности. С точки зрения диалектического материалистического подхода к историческим процессам, развитие общества и государства обусловлены в значительной степени возникновением и развитием института собственности, т.е. отношений между людьми по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом и вытекающими из него благами как материальными, так и нематериальными. В своё время великий немецкий философ Гегель в своём учении уделял существенное внимание месту и роли собственности в общественном развитии. Как отмечают многие учёные: 1) Гегель рассматривал личность в неразрывной связи с собственностью; 2) собственность является предпосылкой воли, развития способностей каждого человека; 3) собственность выступает не просто как одно из направлений и форм выражения воли человека, она образует экономическую основу для воли и права [8, с. 6].

Следовательно, собственность является основой производственных отношений, так как является основным условием функционирования производства и в конечном итоге основой обеспечения реализации потребностей граждан (материальных и духовных). Поскольку само производство является экономической основой государства, то соответственно государство с момента своего образования будет вынуждено, исходя из инстинкта самосохранения, защищать институт собственности. Что, собственно говоря, мы видим на примере развития нашего национального уголовного законодательства.

Со времён Римской империи понятие собственности традиционно ассоциировалось с принадлежностью кому-либо, т.е. с возможностью владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Эта правовая традиция сохраняется и в действующем Гражданском кодексе Украины, согласно ст.316 которого под правом собственности понимается право лица на вещь (имущество) – вещное право. Наряду с этим, в экономическом смысле, понимание собственности шире чем в гражданско-правовом и включает не только определенные правомочия собственника в отношении вещей, но и в отношении невещных объектов (различные виды энергии, услуги, интернет-время и т.п.), которые в прямом смысле не являются вещами, но является товаром и находятся в гражданско-правовом обороте. Соответственно в гражданско-правовом

и ином порядке регламентируются условия владения и пользования такими не вещными объектами и компенсации за это (оплаты за полученные услуги, выполненные работы, использованную энергию и т.п.).

Вместе с тем, значительное количество противоправных действий, связанных с использованием приемов и способов уклонения от уплаты вознаграждения за выгоды, полученные от использования чужого имущества, заимствования имущества и другие действия с чужим имуществом без согласия собственника свидетельствует о неэффективности борьбы с такими правонарушениями путем привлечения лица к гражданской, административной или другим видам юридической ответственности. Поэтому и возникает необходимость введения самого строгого вида юридической ответственности – уголовной (ст. 192 УК).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что законодатель не механически признает любое причинение имущественного ущерба преступным, а лишь повлекшее значительный имущественный вред (в 50 и более раз превышающий не облагаемый налогом минимум доходов граждан), при наличии которого можно вести речь именно об уголовной противоправности деяния. Этот подход является целесообразным и обоснованным, поскольку позволяет за незначительные правонарушения применять другие виды ответственности, не прибегая к наиболее строгому виду юридической ответственности - уголовной.

Вторая группа факторов оснований криминализации деяния связана с юридической техникой регламентации преступления. Она предполагает наличие логической согласованности нормы с системой уголовного права и системой права в целом. Во-первых, введение уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребление доверием не противоречит Конституции Украины, закрепляющей надлежащую правовую защиту собственности и незабываемость прав собственности, которые гарантируются государством. Не противоречит эта уголовно-правовая норма и Гражданскому кодексу Украины, продолжающему конституционные положения в этой части, и более глубоко и чётко регламентирующему порядок передачи собственности во временное владение, пользование и распоряжение третьим лицам или её отчуждение.

Во-вторых, законодатель сконструировал преступление, предусмотренное ст. 192 УК, лишь с умышленной формой вины, чем также отграничил его от невыполнения обязательств по гражданско-правовой сделке. Тем самым подчеркнув, что указанное деяние отличается не только уголовно противоправным характером поведения, но и антисоциальной установкой личности на причинение владельцу вреда. Соответственно наличие определённых уважительных причин (объективная невозможность оплаты, несвоевременная оплата за услуги или выполненные работы), свидетельствующих о желании лица, в конечном итоге, исполнить гражданско-правовую обязанность, исключают уголовную ответственность лица. Лишь злостное уклонение от оплаты путем использования обмана, злоупотребления доверием, повлекшие значительный ущерб преследуются в уголовно - правовом порядке.

В-третьих, законодатель разграничил исследуемый состав с мошенничеством. В отличие от мошенничества данный состав предполагает нанесение ущерба собственнику не через уменьшение его наличного имущества вследствие изъятия из владения, а в результате обращения виновным в свою пользу денежных сумм или иных ценностей, которые еще только должны перейти в собственность. Своими

действиями виновный причиняет собственнику не положительный ущерб, что характерно для хищения, а ущерб в форме непередачи должного (упущенная выгода), т.е. собственник в результате совершения виновным обмана или злоупотребления доверием не получает того имущества или дохода, которые должны быть ему переданы согласно закону.

Рассматривая социальную обусловленность уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием нельзя не отметить, что уклонение от оплаты за используемые чужие вещные объекты, полученные услуги, выполненные работы, незаконное временное заимствование имущества, имеет достаточно широкое распространение. Этому служит несколько причин: всё более широкое вовлечение невещных благ в гражданско-правовой оборот; стремление обогатиться за чужой счёт (в т.ч. неоплатным использованием чужого имущества), поиск мнимых формально-правовых способов обогащения и т.д. [См. 9, с. 8, 73]

В этом свете ненадлежащая реакция государства на наиболее явные факты таких нарушений, существенно подрывает основополагающие конституционные требования защиты всех форм собственности от противоправных посягательств и, как следствие, стабильность института собственности в целом. Поэтому, с позиции всесторонней охраны собственности, необходимо законодательно обеспечить не только сохранность имеющегося в фондах владельца имущества, но и создать надлежащую уголовно-правовую защиту за противозаконное безоплатное использование вещных и невещевых объектов собственности. Представляется, что, как раз, наличие уголовной ответственности за посягательства на собственность, не связанные с её отчуждением, является обоснованной, поскольку позволяет в целом комплексно обеспечить защиту всех форм собственности от преступных посягательств.

Исследуемая норма необходима в системе уголовного права ещё и потому, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за различные противозаконные формы изъятия и обращения чужого имущества, его повреждение и т.п., не охватывают полностью отношений собственности, которые нуждаются в уголовно-правовой охране. Соответственно, деяния, которые подпадают под признаки причинения имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием не могут квалифицироваться по другим уголовно-правовым нормам. Поэтому ст. 192 УК Украины и размещена в разделе VI УК Украины «Преступления против собственности».

Всё изложенное в указанном разделе позволяет сделать следующие выводы. Введение уголовной ответственности за любое деяние объясняется его социальной природой и опирается на исторические правовые традиции. Соответствующие исторические традиции есть и у исследуемой правовой нормы. Наиболее ярко они прослеживаются в Уголовном уложении 1903 г. (отдельная глава в разделе о преступлениях против собственности – о самовольном пользовании чужим имуществом, о других случаях виновной недобросовестности в отношении чужого имущества) и ст. 87 УК УССР 1960 г.

Наряду с этим, наличие в УК Украины ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием обусловлено рядом социальных оснований криминализации деяний. Наиболее веским является то, что собственность является одним из важнейших благ лица, и ее защита выступает одной из первоочередных задач государства, что отражено в Конституции Украины.

Кроме того, следует учитывать и научно-правовые особенности данной нормы действующего УК. В советский период в науке уголовного права получила широкое

распространение уголовно-правовая категория «хищение», которая явилась продолжением идеи, заложенной ещё при разработке Уголовного Уложения 1903 года. Новый УК Украины отказался от этого понятия, и употребляет термин «похищение», т.е. фактически вернулся к дореволюционным научно-теоретическим подходам по этой проблеме. Поэтому логичным является закрепление в ст. 192 действующего УК отдельного состава, предусматривающего ответственность за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием, которое не является похищением.

Литература:

1. Кригер Г. А. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона / Г. А. Кригер, Н. Ф. Кузнецова. – М., 1977. – С. 34, 52.
2. Таганцев Н. С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. / Н. С. Таганцев. – СПб, 1904. – С. 324, 392, 623, 820, 857.
3. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества, изд. 2–е, испр. и допол. / Г. А. Кригер. – М.: Юрид. лит., 1974. – С.88.
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1907. – С. 160, 175.
5. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. Учебник для вузов. Под ред. доктора юридических наук, профессора Г.Н. Борзенкова и доктора юридических наук, профессора В.С. Комиссарова. – М.: ИКД Зерцало. – М., 2002. – С. 392.
6. Уголовное право Украины. Общая и Особенная части: Учебник / Отв. редактор Е.Л. Стрельцов. – Х.: ООО «Одиссей», 2007. – С.353.
7. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» / А. Д. Антонов. – М., 2001. – С. 8.
8. Пацурківський Ю. Власність і право власності в Україні: Конспект лекцій / Ю. Пацурківський. – Чернівці: Рута, 2003. – С. 6.
9. Безверхов А. Г. Имущественные преступления / А. Г. Безверхов. – Самара: Самарский университет, 2002. – С. 8, 73.

Бугаєв В.А. Соціально-правова обумовленість кримінальної відповідальності за заподіяння майнової шкоди шляхом обману або зловживання довірою / В. А. Бугаєв // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2013. – Т. 26 (65). № 1. – С. 140-146.

Стаття розглядає соціальну обумовленість і правову необхідність кримінально-правової заборони за заподіяння майнової шкоди шляхом обману або зловживання довірою в його генезисі й місце цієї правової норми в системі злочинів діючого КК України.

Ключові слова: власність, заподіяння майнового збитку, обман, зловживання довірою, шахрайство, злочини проти власності, кримінальна відповідальність.

Bugayev V. Socially-legal conditionality of the criminal liability for causing of a property damage by a deceit or Breach of confidence / V. Bugayev // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2013. – Vol. 26 (65). № 1. – P. 140-146.

Article considers social conditionality and legal necessity of a criminally-legal interdiction for causing of a property damage by a deceit or breach of confidence in its genesis and a place of this rule of law in system of crimes operating criminal offence Ukraine.

Keywords: the property, causing of a property damage, a deceit, breach of confidence, swindle, crimes against the property, the criminal liability.